

УДК 336.71(091)
ББК 65.262.101г

А.Е. Колмаков
*кандидат экономических наук, доцент,
Национальный исследовательский
Иркутский государственный технический университет*

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: КРИЗИС ДОВЕРИЯ И БАНКОВСКАЯ ПАНИКА 2004 года

Статья воспроизводит события недавней истории — системного кризиса доверия и банковской паники 2004 г., поразившего банковскую систему России. «Непризнанный» кризис, с одной стороны, продемонстрировал неготовность Центрального Банка к ситуации банковской паники, а с другой — подтолкнул к более решительным действиям на денежном рынке.

Ключевые слова: банковская система, финансовая система, кризис доверия.

А.Е. Kolmakov
*PhD in Economics, Associate Professor,
National Research Irkutsk State Technical University*

HISTORY OF RUSSIAN BANK SYSTEM: CREDIBILITY GAP AND BANK PANIC OF 2004

The article shows the genteel history events — the systemic credibility crisis and the bank panic of 2004, that stroke the Russian bank system. The Unacknowledged crisis, on the one hand, demonstrated the Central Bank unpreparedness to bank panic; on the other hand, it forced to more decisive actions within the money market.

Keywords: bank system, fiscal system, credibility gap.

Банковская система России была создана практически на пустом месте — в экономике СССР существовало всего три банка, хотя в действительности эта была классическая одноуровневая банковская система, в которой денежный рынок

находился под абсолютным контролем Государственного Банка. Сразу после либерализации экономики СССР банковский сектор стал стремительно наполняться коммерческими банками — их общее число вскоре превысило 3000. Прибыльность банковского бизнеса в первые годы существования рыночной экономики была весьма впечатляющей. Дело дошло до того, что прибыль, полученная в банковском секторе, облагалась налогом по особой — повышенной — ставке. Конечно же, такому положению вещей способствовала и невнятная денежная политика Центрального Банка, который под руководством В. Герашенко иногда занимался не своим делом, напрямую озаботившись судьбой предприятий нефинансового сектора экономики. Нередки были периоды, когда ставка рефинансирования (аналог нормы дисконта) находилась на уровне меньшем, чем темп инфляции. То есть регулятор кредитовал коммерческие банки фактически по отрицательной процентной ставке. Нет ничего удивительного в том, что на протяжении нескольких лет темпы инфляции в экономике России не опускались ниже трехзначного уровня.

Несмотря на то, что регулятор в лице Центрального Банка России относился к коммерческим банкам довольно мягко, их общее число стало довольно быстро сокращаться. Причина состояла в том, что руководители банков не привыкли работать в условиях жестких бюджетных ограничений. Стоило Центральному Банку хотя бы чуть-чуть ужесточить денежную политику, как коммерческие банки столкнулись с проблемой. Чтобы иметь возможность исполнять собственные обязательства банк должен наполнить портфель ликвидными активами, но многие банки лопнули прежде чем их менеджеры разобрались с критериями ликвидности. То и дело банки оказывались не в состоянии выполнять собственные обязательства, что неминуемо сопровождалось отзывом лицензии. Не всегда это было трагедией для руководителей и собственников банка, поскольку многие из них создавались с мошенническими намерениями, и дело было только в том, насколько долго менеджменту банка удастся водить за нос публику и самого регулятора.

Первое испытание на прочность ждало банковскую систему России летом и осенью 1998 г., когда, не выдержав груза непрерывно растущего долга, рухнула финансовая пирамида ГКО. Последовавшая вслед за этим девальвация рубля поставила крест на авантюрной политике ряда крупнейших частных банков (Онэксимбанк, Инкомбанк, СБС-Агро и другие). Увлечшись финансированием государственного долга России, они неосторожно номинировали свои обязательства в иностранной валюте, что сделало их балансы неподъемными после того, как в считанные месяцы курс отечественной валюты рухнул с 7 до 20 рублей за доллар. Несмотря на впечатляющее сокращение числа крупных банков, банковская система России в целом выдержала этот удар. Этому способствовала не только устойчивость станового хребта в лице Сбербанка, но и то простое обстоятельство, что население России еще не оправилось от десятилетия впечатляющих финансовых потрясений, начавшихся еще в позднем СССР и серьезно подточивших финансовое богатство россиян. Проще говоря, разорение череды банков осенью 1998 года не затронуло финансового благосостояния подавляющего большинства россиян и поэтому не сопровождалось финансовой паникой и массовыми «набегами на банки». Как оказалось, это была лишь отсрочка перед новыми испытаниями банковской системы.

Следующая волна потрясений обрушилась на российскую финансовую систему в благополучном 2004 г. К тому времени экономика России уже пять лет находилась в состоянии устойчивого экономического роста. Сначала девальвационный эффект, а затем сменивший его рост мировых цен на энергоносители, привели к тому, что ВВП России с 2000 по 2004 г. вырос на 40%, а реальные денежные доходы населения — вообще на 75%. К 2004 г. россияне уже уверовали в стабильность банковской системы и охотно прибегали к услугам коммерческих банков при хранении финансового богатства. Россияне стали активными клиентами коммерческих банков. Но именно последнее обстоятельство едва не сыграло роковую роль в развитии банковского кризиса летом 2004 г. Поэтому локальные, по сути, проблемы на банковском рынке

привели к системному кризису доверия, банковской панике и «набегам» на банки.

Кризис начинался так. 12 мая 2004 г. Банк России отозвал лицензию банка «Содбизнесбанк» с фантастической формулировкой «за отмывание денег и финансирование терроризма». Выяснилось, в частности, что именно в «Содбизнесбанке» были обналичены деньги за выкуп убитого годом ранее директора «КамАЗ–Металлургии» Виктора Фабера. Между тем, на 1 января 2004 г.а «Содбизнесбанк» занимал 57-е место среди банков России по размеру собственного капитала (2,2 млрд р.) и 11-е по сумме чистых активов (5,7 млрд р.). Банк вел активную политику на рынке, привлекая средства населения. Руководство банка не согласилось с решением регулятора и, как ни в чем не бывало, продолжало проводить все виды операций. 26 мая банк был взят штурмом.

Не прошло и недели, как банковское сообщество понесло новую потерю: 2 июня «после тяжелой, но непродолжительной борьбы с кризисом ликвидности банк «Кредиттраст» окончательно остановил платежи. А ближе к ночи, не дожидаясь отзыва лицензии, он принял решение о самоликвидации. Это пока еще уникальный случай скоростного ухода банка из жизни из-за одних лишь подозрений в том, что он имеет общих собственников с банком, лишенным лицензии,— «Содбизнесбанком». Однако есть все шансы, что он не станет последним: в последние дни по рынку ходят десятки черных списков банков, к которым якобы есть претензии у регулирующих органов.

Среди российских банков, по данным Ъ на 1 апреля 2004 г., банк «Кредиттраст» занимал 66-е место по размеру собственного капитала (1,94 млрд р.) и 64-е место по сумме чистых активов (9,95 млрд р.).

История болезни банка «Кредиттраст» коротка. Началась она в момент отзыва у «Содбизнесбанка» лицензии за «отмывание денег». На рынке считалось, что эти банки имеют общих собственников, а события вокруг «Содбизнесбанка» произвели на банкиров и вкладчиков огромное впечатление. Последний (видимо, все-таки, «Кредиттраст» — *А. К.*) уверял обществен-

ность, что собственники у него другие, однако ситуацию это не смягчило. В пятницу ряд крупнейших банков закрыли на «Кредиттраст» лимиты на межбанковском рынке, а вкладчики банка за несколько дней сняли 200 млн р.

Это привело к тому, что в ту же пятницу, по словам клиентов банка, у «Кредиттраста» начались проблемы с проводками клиентских платежей. А позавчера он уже не смог выполнить публичную оферту по выкупу своих облигаций на 60 млн. рублей (см. Ъ от 31 мая и 3 июня).

Банк, правда, крепился, утверждая, что платежи идут, а сам он обязательно выкупит облигации. Однако вчера обязательства по оферте все еще выполнены не были, а клиенты, звонившие в Ъ, говорили, что платежи остановились. Председатель правления банка «Кредиттраст» Александр Тимофеев признал вчера Ъ, что «некоторая часть платежей клиентов второго июня не прошла». Тем не менее, по его словам, была «произведена большая часть межбанковских платежей и практически все платежи по оферте облигационного займа». Однако на ММВБ сделок по выкупу облигаций банка «Кредиттраст» зарегистрировано не было»¹.

В этот же день впервые возникли слухи о затруднениях с ликвидностью, которые якобы испытывает Гута-банк (26-е место по размеру собственного капитала), но руководству банка как будто удалось убедить общественность, что сообщения в печати относятся к событиям годичной давности.

Сразу же вслед за этими происшествиями на банковском рынке России случился кризис взаимного доверия. Вот как описывают эти события современники. «Недоверие между банками начало нарастать после отзыва у «Содбизнесбанка» лицензии за отмывание денег и финансирование терроризма. Этот прецедент заставил банки начать пересмотр критериев, по которым они привыкли определять надежность контрагента. В результате формальные показатели, такие, как качество финансовой отчетности, стали резко терять в весе в пользу,

¹ Траст, который лопнул. «Содбизнесбанк» утянул за собой «Кредиттраст» // Коммерсант. 2004. 4 июня.

естественно, показателей неформальных. И это вполне объяснимо, ведь из отчетности Содбизнесбанка совершенно не следовало, что он — кандидат на отзыв лицензии. Зато эту информацию можно было почерпнуть из слухов. К концу недели обстановка растущего недоверия вылилась в повальное закрытие лимитов банками друг друга. При этом стали прекращаться операции не только с банками, которые попали в многочисленные черные списки, но и другими мелкими и средними банками. В этой ситуации банки, связанные с обналчиванием средств, либо вовсе свернули свои операции, либо взвинтили цены на них. Однако это не повысило на рынке доверия к ним. Более того, в пятницу банки начали закрывать лимиты на коллег из первой тридцатки и даже десятки крупнейших банков. На рынке стали крайне болезненно реагировать на любые слухи и сплетни, и даже поднятие из архивов историй многомесячной давности стало приводить к закрытию лимитов на фигурирующие в них банки»¹.

Ставка по кредитам на рынке межбанковского кредитования выросла до 5% для банков первого уровня и до 20–40% для банков третьего круга. В иных случаях ставка доходила до 150% годовых, но проблема была в том, что даже под эти проценты получить кредит было невозможно.

В то время как на банковском рынке разрасталась паника, Банк России бездействовал. При этом регулятор занял самую неудачную позицию из всех возможных. В то время как рынок захлестывали самые дикие слухи, Банк России никак не обнаруживал своего истинного отношения к происходящему, особенно к слухам о якобы составленных им же «черных списках» банков. По выражению одного из банкиров «рынок быстро отыграл бы любую, даже самую негативную информацию, но именно информации-то и нет». Долгое время руководители Центрального Банка заявляли о том, что кризиса нет, либо о том, что для него нет оснований, хотя ситуация уже стала катастрофической. Меры по предотвращению кризиса

¹ Последний кредит наступает. Нового кризиса ждут все, кроме Центробанка // Коммерсант. 2004. 7 июня.

ликвидности, который неизбежно должен был последовать за кризисом доверия, были направлены на поддержку крупнейших банков и никак не облегчали положение банков второго и третьего круга.

Наконец, 15 июня Банк России предпринял конкретные меры по преодолению кризиса: он снизил ставку рефинансирования с 14 до 13%, снизил нормативы отчислений в фонды обязательного резервирования с 7 до 3,5% и расширил ломбардный список. По мнению банковского сообщества эти меры страдали половинчатостью, поскольку ситуация созрела для кредитования банков второго и третьего круга без залога.

Тем не менее, меры, принятые Центробанком, несколько успокоили рынок. Напряжение с ликвидностью ослабло, ставки на рынке межбанковского кредитования поползли вниз. На этом тревожном фоне в конце июня на рынок просочились слухи о том, что банк ВТБ намерен приобрести промышленные активы Гута-банка на сумму около 400 млн дол. Газета «Коммерсант» сообщила об этом 30 июня. Спустя три дня ВТБ заявил, что не интересуется активами группы Гута. 6 июля банковский кризис вышел на новый уровень. Началась подлинная банковская паника — вкладчики атаковали отделения двух крупных банков Альфа-банка и Гута-банка. Среди российских банков на 1 апреля 2004 г. Альфа-банк занимал 5-е место по размеру собственного капитала (25 млрд р.) и 4-е место по сумме чистых активов (166,76 млрд р.). Альфа-банк привлек от граждан средства на 31,97 млрд р. Гута-банк занимал 26-е место по размеру собственного капитала (4,5 млрд р.) и 21-е место по величине чистых активов (31,35 млрд р.). Гута-банк привлек от граждан во вклады 5,8 млрд р.

Набеги на банки принесли различные результаты. Гута-банк не выдержал атаку. Как выяснилось, за тот месяц, что он находился под давлением, банк распродал треть баланса и теперь просто не имел ликвидных активов, чтобы выполнять обязательства перед вкладчиками. 9 июля Внешторгбанк объявил о покупке контрольного пакета акций Гута-банка.

Альфа-банк защищался героически. Требования вкладчиков удовлетворялись, несмотря на то, что активы банка быстро

таяли. 6 июля сумма наличных, выданных банкоматами и отделениями Альфа-банка, составила 340 млн р., а на следующий день, когда очереди стояли уже с утра, — 722,02 млн р. Только за 7 июля общая сумма вкладов в Альфа-банке уменьшилась на 1,49 млрд р. Всего же с 7 по 12 июля Альфа-банк потерял более 13 млрд р., в том числе вкладов на 6,03 млрд р. Для того чтобы отбить атаку наверняка банк пошел на беспрецедентную меру — 8 июля была введена 10%-ная комиссия за досрочный отзыв депозита. Эта мера вызвала волну возмущения и критики, как со стороны вкладчиков, так и среди банковского сообщества. Одновременно Альфа-банк ввел премию для тех вкладчиков, которые возьмут себя в руки и согласятся подождать до окончания срока депозита. Так или иначе, волна паники отступила. 15 июля председатель Банка России С. Игнатьев заявил о том, что банковский кризис закончился. В отличие от высказываний его заместителей, прозвучавших месяцем ранее, это было правдой.

Последняя точка в кризисе была поставлена 16 октября 2005 г., когда в Подмоскowie по дороге к храму был расстрелян Александр Слесарев, предприниматель, считавшийся негласным владельцем разорившихся во время банковского кризиса Содбизнесбанка и банка «Кредиттраст». Вместе с бизнесменом погибли его жена и дочь.

Банковский кризис 2004 г. стал этапным событием в становлении банковской системы РФ. Что явилось его движущей силой? По-видимому, банковскому сектору России было необходимо очиститься от тех методов ведения бизнеса и от тех операций, которыми многие банки стали промышлять еще в 90-е гг., фактически с момента создания банковской системы. В этом отношении примечательна реакция банковского сообщества, отшатнувшегося от «запятнанных» банков в первые же дни кризиса. События кризиса показали наличие огромного дисбаланса между ожидаемыми доходами и возможными потерями для менеджеров и мажоритарных собственников банковского бизнеса. Оказалось, что лица, осуществлявшие не то что сомнительные, но и просто преступные действия не могут быть привлечены даже к имущественной ответственности.

Это позволило, например, менеджменту банка «Кредиттраст» за две недели, прошедшие между отзывом лицензии и назначением внешнего управления, вывести из банка активов почти на 6 млрд р. Да и сам факт прямого неподчинения коммерческого банка (Содбизнесбанка) распоряжениям регулятора красноречиво свидетельствует о состоянии банковской сферы в 2004 г. Вплоть до 2009 г. Банк России совместно с Государственной Думой выстраивал схему более жесткой ответственности для участников банковской деятельности. Ему даже удалось обратить действие законов вспять и возложить имущественную ответственность на топ-менеджеров Содбизнесбанка и банка «Кредиттраст», вменив им преднамеренное банкротство. Но, как показал финансовый кризис 2008 г. и последовавшие за ним события, успех, достигнутый Банком России в деле регулирования ответственности банковских менеджеров высшего уровня, был частичным¹. Так что жестокая расправа над А. Слесаревым и его семьей может рассматриваться как стихийная реакция, так сказать, «вкладчиков» банка, на неспособность официальной правовой системы уравновесить возможности и риски в банковской сфере.

Что касается собственно событий весны-лета 2004 г., то они показали неготовность Центрального Банка к ситуации банковской паники. Это довольно странно — ведь именно ради принятия решений в такие ключевые моменты Центральный Банк и существует. Впрочем, в российской истории государственного управления такие случаи встречаются нередко. Банк России пытался уклониться от принятия ответственных решений, даже когда время для них уже наступило. Он заменял словесными интервенциями интервенции денежные, а его представители говорили не те слова, которые могли успокоить банковское сообщество. Наконец, в лучших традициях советского менеджмента

¹ Вышеозначенный финансовый кризис показал, в частности, что проблема гармонизации рисков и доходности для управляющих финансовыми организациями, известная больше как проблема «морального риска», не нашла своего решения и в других странах. В том числе и тех, где банковский сектор имеет многовековую историю. Жители многих стран были поражены размерами отступных, которые получили менеджеры банков, ставших жертвами недалекости этих же менеджеров. Так что не стоит упрекать Банк России в том, что он не смог прыгнуть выше головы.

Банк России так и не признал за собой ответственности за события банковского кризиса 2004 г. Более того, некоторые его представители долгое время заявляли, что и кризиса-то никакого не было, а были «проблемы у некоторых банков».

Впрочем, даже непризнанный банковский кризис подтолкнул Банк России к более решительным действиям. Не прошло и года со времени гибели Гута-банка, а в России уже сформировалась система страхования вкладов, которая является важнейшим средством предотвращения банковской паники. Первоначально сумма застрахованного вклада составляла всего 100 000 р., но во время кризиса 2008 г. она была увеличена до 700 000 р. Антикризисная политика Банка России стала более изощренной. Во всяком случае, во время кризиса 2008 г. он действовал значительно более оперативно и не побоюсь этого слова, адекватно, чем в 2004 г. Центральный банк стал внимательнее следить и за наиболее одиозными фигурами на банковском поле России. Дело Френкеля, заказавшего убийство заместителя председателя Центробанка А. Козлова, показало, что политика Центрального Банка в этом направлении стала более эффективной. Время от времени в российском банковском секторе вспыхивают скандалы по поводу откровенно мошеннической политики некоторых банков (группа банков М. Урина, Банк Москвы), но эти явления уже не носят системного характера. По-видимому, ни одна банковская система не может быть застрахована от появления откровенных проходимцев.

Примечательно, что во время кризиса доверия проявилась склонность Центрального Банка дифференцированно подходить к проблемам банков в зависимости от их положения в банковской иерархии и степени государственного участия в их капитале. На волне кризиса Банк России добился права регулировать процентные ставки по депозитам, назначаемые коммерческими банками не входящих в «первый круг». А в настоящее время (осень 2012 г.) Банк России добивается, чтобы эта мера из диспозитивной прекратилась в императивную. Вообще же дискуссия о том, оставляет ли Банк России достаточный простор для действия рыночных механизмов в банковском секторе, выходит за пределы исторического очерка.

В заключение следует упомянуть о героических фигурах банковского кризиса. Видимо, еще не оценена по достоинству титаническая борьба за плавучесть банка, которую летом 2004 г. Альфа-банк был вынужден вести практически в одиночку. Его победа над стихией банковской паники привела к стабилизации всей банковской системы — трудно представить, что произошло бы с экономикой России, если бы рухнул 5-й банк страны.

Информация об авторе

Колмаков Александр Евгеньевич — кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: papa-chief@mail.ru.

Author

Kolmakov Alexander Evgenievich — PhD in Economics, Associate Professor, National Research Irkutsk State Technical University, 83, Lermontov street, Irkutsk, 664074, e-mail: papa-chief@mail.ru.